

№ 40

Въ сегодн. № 6 стр.

Воскресенье, 19-го февраля 1912 года

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Под

на Топки и д

Для учета

Получена

Такса за

Для инт

За прот

Вонтора

Годови

Присл

челюсть фак

донная б

ким три

ПОДПИС

Письма Чехова.

Только что вышла въ свѣтъ больша и прекрасная книга: «Письма Чехова. Томъ I. Изданіе М. П. Чеховой».

Давно мы ждали этой книги. Тѣ изданія писемъ, которыя выходили до сихъ поръ, были не удовлетворительны по многимъ причинамъ: по неполнотѣ, по небрежности воспроизведенія, по произвольнымъ датамъ и ошибочнымъ комментаріямъ.

Теперь изданіе писемъ взяла на себя сестра покойнаго писателя—Марія Павловна Чехова; къ прекрасному архиву прикоснулась любящая, внимательная и великая рука и дала большую радость всѣмъ, кому дорогъ авторъ «Палаты № 6» и «Вишневого сада».

Задачи этого изданія сводятся къ тому, чтобы исчерпать по возможности всю сохранившуюся переписку Антона Павловича, снабдить ее текстъ необходимыми объясненіями и предоставить ее читателямъ и будущимъ биографамъ Ант. П. съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей его текста, правописанія и пунктуации.

Первый томъ изданія обнимаетъ собою переписку десятилѣтняго періода 1876—1887 г. г.

Чеховъ—малышчикъ, юноша, веселый юмористъ, любящій посмѣяться, поддурачиться, порой даже немножко нескромный, но отнюдь не пошлый, Чеховъ, ухаживающій за гимназистками, кавалеръ, танцоръ, шаферъ Чеховъ—московскій студентъ, часто мечтающій о выпивкѣ, шатающійся по ресторанахъ и по закулиснымъ корридорамъ, наконецъ Чеховъ—молодой врачъ, который лечитъ больше шутками и смѣхомъ, чѣмъ медикаментами и діетой,—вотъ свѣтлые этапы десятилѣтняго періода его жизни, великолѣпно отразившіеся въ первомъ томѣ переписки.

«Посылаю вамъ жука, умершаго отъ безнадежной любви къ одной курсисткѣ,—пишетъ Чеховъ курсисткѣ Юношовой, занимавшейся энтомологіей,—панихиды ежедневно. Сжальтесь надъ нимъ хоть послѣ его смерти и упокойте прахъ его въ вашей коллекціи».

«Природа великолѣпна, дача роскошна, но денегъ такъ мало, что совѣстно на карманы смотреть. Женитесь на богатой купчихѣ, что-ль? Женюсь на толстой купчихѣ и буду издавать толстый журналъ». (Изъ письма къ Н. А. Лейкину).

«Передъ каждой службой (въ монастырѣ Святыхъ Горъ) въ корридорахъ слышится плачь колокольчика и бѣгушій монахъ кричитъ голосомъ кредитора, умоляющаго своего должника заплатить ему хотя бы до пятику за

рубль:—Господи I. X., помилуй нас! Пожалуйте въ утренѣ». (Изъ письма къ сестрѣ Маріи П.).

Такіа блестящіа юмора щедро разбросаны почти по всѣмъ письмамъ. Есть письма, представляющія одну сплошную шутку, какъ, напримѣръ, слѣдующее, адресованное М. В. Киселевой:

«ЛЮБОВЬ БЕЗЪ ЗЫБИ»..

(Романъ)

Часть I.

Былъ продень.. Заходящее солнце своими багряно-огнистыми лучами золотило верхушки сосенъ, дубовъ и елей.. Было тихо; лишь въ воздухѣ плыли птицы да гдѣ то вдали грустно вылъ голодный волкъ.. Ямщикъ обернулся и сказалъ:

— А снѣгу все прибываетъ, баринъ!

— Что?

— Я говорю, что снѣгу прибавило.

— А!

Владиміръ Сергѣичъ Табачкинъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ послѣдній разъ взглянулъ на солнце и померъ..

Прошла недѣля.. Надъ сѣвѣей могилой со свистомъ носились птицы и перепела.. Солнце сѣтило. Молодая вдова, вся въ слезахъ, стояла у гроба и съ горю обмочала весь пятакъ..

Шутка и смѣхъ были, повидимому, какой-то настойчивой потребностью для юнаго Чехова; юморъ бьетъ изъ него, брызжетъ во всѣ стороны, минутами какъ будто чувствуется легкое усиленіе Чехова быть серьезнымъ, но улыбка уже дрожитъ въ углахъ рта, веселое словечко уже свистаетъ съ языка.

Обстоятельства жизни писателя въ этотъ періодъ времени вовсе, однако, не могутъ быть названы благоприятными, матеріальныя дѣла его совсѣмъ плохи. То и дѣло попадаютъ въ письма такіа фразы: «Денегъ нѣтъ», «Снѣгу на бобахъ», «Безденежье, возкомъ вою», «Надѣялся получить изъ одного мѣста и получивъ ноль», «Снѣгу безъ денегъ», «Будильнику» должень, до осколочнаго гонимара еще далеко, а изъ «Петербургской газеты» ни слуху, ни духу».

Условія для литературной работы тоже отрицательнаго свойства: «Занять я ужасно. Музы мои плачутъ, видя меня равнодушнымъ. До половинны сентября придется для литературы уравнивать время».

Но и «уравнивая время» Чеховъ испытываетъ множество неудобствъ.

«Пишу при самыхъ гнусныхъ условіяхъ. Передо мной моя не литературная работа, хлопотная немилосердно по совѣсти, въ собственной комнатѣ кричатъ дѣтеныши прѣхавшаго погостить родича, въ другой комнатѣ отецъ читаетъ матери вслухъ..»

«Сидишь цѣлый день въ судѣ, а потомъ какъ уторѣный пишешь.. Пишу скверно, а тутъ еще гг. корректоры стараются и починаютъ мое писанье. Пишу, напримѣръ: Палата идетъ! какъ и подобаетъ, а оны, милые люди, исправляютъ: Судъ идетъ!»

«Изъ того, что я пишу мало, нельзя заключить, что я лѣнтивъ. Я занятъ цѣлый день, до того, что въ театрѣ еще ни разу не былъ за всю осень. Слѣдуетъ за наукой и работать—большая разница. Рукописей я не перебиваю. Чаще всего я отсылаю черныя выки..»

Въ 1885—6 гг. Чеховъ начинаетъ беспокоить вопросъ о его здоровьи, которое замѣтно уступаетъ передъ надвигающейся чахоткой:

«Я боленъ. Кровохарканье и слабъ..»

«У меня опять было кровохарканье..»

«былъ занятъ по горло и болѣлъ..»

«общее состояніе отвратительное..»

Но и при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ юморъ не покидаетъ его.

«Здоровье мое,—пишетъ онъ Е. I. Савицкаго,—немножко напугало меня и въ то же время (бываютъ же такіа фокусы!) доставило мнѣ немало хорошихъ, почти счастливыхъ минутъ. Я получилъ столько сочувствій искреннихъ, дружескихъ, столько, что могъ воображать себя аркадскимъ принцемъ, у котораго много передорцевъ. До болѣзни я не зналъ, что у меня столько друзей. Развѣ не лестно получать такіа письма, какъ Ваше? Ради него не грѣшно покашивать лишній денекъ..»

* * *

Таковы письма юнаго Чехова. Всѣ они, до трехстрочныхъ записочекъ включительно, сѣются улыбкой жизни—простой, ясной и обязательной.

Стоило-ли издавать ихъ? Нужны ли они широкой публикѣ? Или они поражаютъ лишь ревностныхъ поклонниковъ Чехова?

Такіа вопросы, пожалуй, могутъ явиться, но задать ихъ можетъ только тотъ, кто не понимаетъ, какая глубокая и крѣпкая связь существуетъ между этимъ писателемъ и читающей Россіей, и какъ интимно-дорого намъ все, что имѣетъ отношеніе къ его творчеству, личной судьбѣ, перепискѣ..

О, это мудрое, нѣжное сердце Чехова! Жестокая действительность ранитъ его каждымъ днемъ, каждый часъ, а оно, даже и въ страданіяхъ, даже истекая кровью, сдержанно трепещетъ радостью бытія и грезитъ о томъ времени, когда все зло земное, всѣ страданія потонутъ въ миросердинѣ, которое наполнить собою весь міръ, и жизнь станетъ чистою, нѣжною, сладкою, какъ дѣтство..

Мудрое сердце, познавшее красоту челоушескаго горна, отвернувшееся отъ пошлаго мѣщанскаго счастья и страстно ищущее града вышняго. Нѣжное сердце, согрѣвшее своимъ тепломъ наши несчастныя поколѣнія и не разъ вызывавшее на наши глаза слезы, очищающія слезы..

«Знаете, когда идешь темною ночью по лѣсу,—говоритъ докторъ Астроу въ «Дядѣ Ванѣ»,—и если въ это время вдали свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтлокъ, который бьетъ тебя по лицу».

Жутко въ темномъ лѣсу нашей нескладной русской жизни, но «дали свѣтитъ огонекъ», и не одинъ, ихъ много, а самый теплый изъ нихъ тотъ, который зажженъ Чеховымъ, его изумительной улыбкой, его здоровымъ, просвѣтляющимъ юморомъ, неудержимо блестящимъ даже и въ минуты тяжелыхъ, горькихъ.

Она—нашъ, онъ—съ нами, былъ, есть и будетъ. И никакіа новыя увлеченія и привязанности не убьютъ въ насъ тихой и теплой любви къ нему, ибо въ этой любви, въ единеніи съ Чеховымъ—наша высшая радость, наше большое, можетъ быть, даже неслуженное счастье.

Москва, 7 февр.

Г. Вяткинъ.